

Андрей Немиров

**Краткий курс
предвыборной
ХИМИИ**

Андрей Владиславович Немиров

Краткий курс предвыборной химии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70197556

SelfPub; 2023

Аннотация

Смешные и не очень коротенькие рассказы о нас и нашей жизни. «Одиноко ли нам во Вселенной?» – история о нашем родстве с пришельцами из далеких миров, «Диалог двух культур» наверняка понравится любителям музыки, рассказ «Про Петрова и Иванова» заставит, конечно, задуматься, но ненадолго... «Краткий курс предвыборной химии. Сон» – введет вас в круг современных научных понятий, а «Город одного человека» – это просто о любви! Приятного чтения! Искренне Ваш, автор Андрей Немиров

Андрей Немиров

Краткий курс

предвыборной химии

ОДИНОКО ЛИ НАМ ВО ВСЕЛЕННОЙ?

Инопланетяне приземлились на гречневом поле недалеко от райцентра Веселухино и расположились табором вокруг своей летающей тарелки.

Примерно неделю все ведущие специалисты мира по внеземным контактам, оцепив периметр, пытались наладить хоть какой-то разговор с прилетевшими инопланетянами, но тщетно: никто ничего не понимал. Ученые рисовали пришельцам на бумаге кружки и квадратики, а те в ответ создавали своими шестью конечностями в воздухе какие-то бесформенные объемные конструкции. Наши приволокли огромный телеэкран, на котором показывали кадры истории Земли и человечества, а инопланетяне в ответ слегка развернули свою тарелку и плюнули из нее чем-то в Луну, оставив там безобразное сине-оранжевое пятно.

И так – день за днем. И – никаких зацепок...

В конце концов отчаявшиеся ученые сдались и укатили к себе в НАСА придумывать новые методы общения, а инопланетянский табор с тарелкой посередке оставили под охраной дивизии ООН с лазерными лучами по периметру.

Ну а что миротворцы ООН, роботы, что ль? Нет, конечно! Они тоже просто люди, со всеми присущими общечеловеческими слабостями. В один прекрасный день скучающие прибалты напоили англичан, те на этой почве подрались с американцами, вспомнив чего-то там нехорошее из совместной истории; французы же и прочие поляки с норвегами к тому времени уже рассосались по домам окрестных интернационалисток, а немцы, отдыхая после караула и случайно насосавшись чего-то интересного в веселухинском «Пивасике», крепко спали, отключив предварительно лазеры, чтоб не мешали своим гудением...

Тем временем, широко известный в узкопрофессиональных тракторных кругах села Веселухино Петрович, узрев в сумерках на краю поля вместо лазерных лучей группу инопланетян, с интересом изучающих брошенные по причине крайней усталости личного состава дивизии ООН пулеметы и ракеты, решил помочь учёным и вышел на контакт, имея в руках весьма надёжный полилингвистический девайс собственного производства, а именно – бутылку самогона двойной очистки на дубовой коре емкостью ноль семь деся-

тых литра.

Правильно говорят, что российская наука – самая передовая! Уже через сорок минут трое инопланетян увлеченно обсуждали с Петровичем особенности гравитации «красных карликов» и «черных дыр», а трое других, изучив чертежи, наспех нарисованные Петровичем с при помощи куска кирпича на стене гаража, создали своими шестью конечностями из окружающего воздуха стационарный полилингвистический аппарат и радостно гнали из него уже третью «поллитру» контактного вещества, имея сырьем незрелую гречиху...

В общем, россияне, как всегда, спасли мир и, ничего за это не попросивши, дружно начали это дело отмечать. Потом, спохватившись, сообщили, конечно, куда следует, и продолжили заседание, с тем ювелирным расчетом, чтобы к утру быть слегка протрезвевшими, дабы не пропустить рассвет новой эпохи человечества. Но тут, как всегда, инициативу перехватили вмиг понаехавшие отовсюду британские и всякие иные ученые, которые именем ЮНЕСКО отеснив Петровича и других веселухинцев от тарелки с инопланетянами, принялись изо всех сил гутарить с последними, регулярно, однако, сменяясь по причине быстрого выбывания из-за сложного и напряженного характера работы, быстро приводившего к профессиональному выгоранию: гу-

тарить-то получалось, только предварительно существенно употребив...

И, само собой, сразу возникла проблема с фиксацией содержания переговоров: в ходе самой процедуры, понятное дело, записывать ничего не получалось: руки-то у всех были заняты, а на утро, в силу некоторых особенностей воздействия химического состава полилингвистической жидкости на нейронные связи мозга, уже никто ничего не мог вспомнить.

И, опять же – слава российской науке, которая собственных платонов и быстрых разумом ньютонов имеет в неограниченном количестве, хотя не всегда об этом помнит: зарубежные-то ученые из-за высокого темпа продвижения контакта как-то очень быстро позаканчивались, проявив при этом преступную халатность и не закрыв за собою гештальт. И тогда Петрович привел наших, проверенных. Особенный успех в области продолжения контакта с инопланетным разумом выпал на долю баяниста Прохора, который, нарушая все законы космической механики, умудрился не только научить пришельцев играть на баяне песню «Шумел камыш» в двенадцать рук и в трех измерениях, но и оформил свадьбу капитана летающей тарелки и вахтера детской школы искусств Авдотьи Филипповны, как раз аккурат в канун ее семидесятитрехлетия. Кричали «горько», Авдотья Филипповна неж-

но целовала капитана во все три рта одновременно, млела под горячими взглядами его четырех глаз, замирала в объятиях его шести рук и неистово ждала первой брачной ночи.

Тем временем Петрович, единогласно выбранный – и теми, и нашими – председателем комиссии по контактам, полез в тарелку к инопланетянам, долго там что-то изучал, а вылезая, наконец, из люка на воздух, разочарованно произнёс:

– Я думал вы – вон чо, а у вас там – всего-навсего вон чо!

Чем очень огорчил пришельцев, видимо считавших до этого момента себя более развитой цивилизацией. Поэтому почти все инопланетяне, за исключением капитана, занятого Авдотьей Филипповной, вдруг сделались тусклыми, втянули в себя все шесть конечностей и превратились в невзрачные глыбы неприятной слизистой массы.

– И чо? – увидев этот демарш, сердито спросил Петрович. – Дуться будем, или облепиховой попробуем?

По синхронно пробежавшей по темным слизистым глыбам конвульсивной волне было видно, что облепиховой попробовать инопланетянам очень хочется, но испанский стыд за свою, внезапно выявленную Петровичем техниче-

скую неполноценность, никак не отпускает. И только спустя пару минут из крайней глубины робко, сантиметров на десять, высунулась одна конечность, в которую Петрович тот час же сунул стакан облепиховки. Поскольку пришельцы умели легко обмениваться друг с другом мыслями и эмоциями, реакция последовала незамедлительно: неприятность была забыта, а Петрович – облеплен просветлевшими до небесной ясности, отчаяно жестикулировавшими инопланетянами, и только восклицал, еле успевая наливать:

– Да вы ж мои хорошие! Да вы ж мои родные!

В последующие три дня все были заняты исправлением выявленных недостатков конструкции летающей тарелки и, в целом – ее усовершенствованием по предложенной Петровичем схеме, для чего районной администрации пришлось выделить карданы и оба моста от трактора «Беларусь», коленвал, шатуны и масляной фильтр от ЗИЛ-130, вентилятор от «КАМАЗа», а также раму от комбайна «Дон».

В качестве ответного подарка и искренней благодарности инопланетяне создали из воздуха немало материальных ценностей, которые по документам должны были храниться на складах, но которых там почему-то не оказалось. Обрадованная этим событием главный бухгалтер Софья Михайловна весь вечер угощала инопланетян вкусными сухарями,

целый мешок которых она насушила в ожидании проверки областной прокуратуры.

Потом вспомнили, что не отметили второй день свадьбы капитана и Авдотьи Филипповны, а за вторым настал и третий, и четвертый... Глава районной администрации по ходу всё предлагал подписать какие-то бумаги, типа договора о сотрудничестве сторон, а инопланетяне никак не могли понять, зачем: все и так понятно и хорошо! Даже очень хорошо! Со всех сторон!

Но наступил-таки день, когда один из пришельцев, проснувшись поутру, прислушался к какому-то шуму внутри летающей тарелки и понял, что исходит он от передатчика ихней телеметрической межгалактической космической связи. Оказалось, что это бубнит ихнее звёздное начальство, уже второй месяц кряду не получающее никакой информации о судьбе экипажа летающей тарелки после совершения посадки на далёкой планете Горевамбабаха (так у них наша Земля называется) и вошедшего в контакт с местным населением. Уже отчаявшись получить ответ и решив, что случилось самое страшное, ихнее начальство снарядило боевой межгалактический крейсер, чтоб уничтожить эту Бабаху в отместку за геройски сгинувший экипаж. Слава богу, что вовремя оказавшийся у приемника пришелец чой-то там правильное вякнул, и старт крейсера на радостях отменили. Но

тут же приказали всему экипажу немедленно вертаться взад!

Что делать? Делать нечего, приказы надо выполнять! Да и межгалактический крейсер нам тут совсем уж ни к чему! Перед отлетом домой было решено устроить прощальный вечер с фейерверком, на который потратили все ООНовские ракеты, и катанием веселухинского населения на летающей тарелке. А так, как скорость у ихнего звездолёта после Петровичевых усовершенствований стала ого-го, то за пару дней почти все жители Веселухино побывали на Луне, безвозвратно затоптав там исторические следы американских астронавтов и оставив массу своих (многие – вместе с тапками). Кроме того, на Луне осталась пара мангалов, зонтик от солнца, деревянная скульптура медведя и пяток мешков с мусором (это Петрович велел мусор не разбрасывать, а в мешки собирать). Кстати, шашлыки, пожаренные на Луне, никому не понравились, так как очень быстро остывали. Зато назад парни и девчата привезли в качестве сувениров американский флаг, одиноко торчавший из Луны и какую-то здоровую железяку, которая стояла рядом с этим флагом, вся в пыли. Из железяки этой клёвая силосная башня получилась, но это уже потом было...

А вот перед самым стартом случилась незадача: лететь-то выпимши нельзя! Там, в ихнем космосе, оказывается, свое ГАИ имеется, и оно всё сечёт: и запах, и превыше-

ние скорости, и нарушение разметки, и непристегнутые ремни безопасности... Камеры установлены, знаки, сержанты с радарными... Все прям, как на Земле.

– Ну, что ж, – говорит Петрович, – тверёзыми полетите! Все чин по чину!

И следующий день не употребляли. Держались.

А ведь позабыли уже, что словесного взаимопонимания на трезву голову-то не-ет!

И прощание, конечно, было тяжелым: говоришь им «ни пуха, ни пера!», а они не понимают; тебе они дудят чего-то, рисуют в воздухе фигуры, а ты – «ни бум-бум»! Люди – в слёзы, инопланетяне скукожились и стали чернее тучи, в воздухе отчаяния столько, что хоть ножом режь, а что поделаешь: неизбежная разлука сердца рвет, попрощаться с братишками по-человечески хочется, а слов – не понять, как ни старайся...

На капитана с Авдотьей Филипповной вообще смотреть было невозможно: глядя на них, сам Шекспир бы рыдал в три ручья! Одно слово – драма любящих сердец, извечное противоречие чувства и долга!

Но Петрович и здесь не сплеховал! Взял и ко всеобщему ужасу насильно влил стакан кедровой в глотку крайнему пришельцу. Повисла пауза, а довольный Петрович и говорит:

– По правилам ведь тока водитель должен тверёзым быть, а ежли с ним пассажир под хмельком, то не штрафуют! Пилотов вам, вижу, пятеро требуется, а всего-то вас – шестеро! Так что одному-то налить можно, для успешного, значить, завершения контакта!

Эх, что тут началось! Занялось прощание по новой – теперь через переводчика, со словами! Мы им: «ни пуха», они нам: «к черту»! И опять слёзы, объятия, поцелуи – еще пуще прежнего! Ихний малый переводил-переводил, да и сам от чувств чуть дара речи не лишился, а тут же еще и все «пошковые» – ему, во все три рта! В общем, туго парню пришлось, в люк его не сажали, а аккуратненько залили...

Наконец, закончили прощаться, оторвали капитана от Авдотьи, запихнули его в тарелку вслед за остальными. Люк задраили.

Не, классная, все же, у нас получилась тарелка, улучшенная нашими российскими деталями: только пыхнула огнем, и – нет её! Ни тебе этого медленного пафосного подъема, ни прощального пролета над головами, ни даже пресло-

вугото следа в небе, никаких этих киношных сентиментальностей. Гиперзвук: раз – и все! Как будто и не было их никогда, этих инопланетян, как будто бы всё это с пьяну привиделось! Если бы только не сине-оранжевое пятно на Луне, да не американский флаг, привезенный оттуда же вкупе с круглой железякой. Нет, было, конечно, всё это было, прилетали, родимые! Не одиноко нам теперь во Вселенной! Глубоко и печально вздохнули веселухинцы и пошли отмечать это дело.

А дальновидная Софья Михайловна занялась новой партией сухарей.

Одна Авдотья осталась стоять: все смотрела и смотрела сухими выплаканными глазами в темнеющее бескрайнее небо, словно видела там ту далекую планету, к которой летел, покоряя парсек за парсеком, её милый, любимый, единственный капитан. Она тихо улыбалась, так как знала, что он тоже смотрит на нее, вжавшись в иллюминатор, охватив его всеми шестью щупальцами и светясь нежным-нежным розовым светом.

Любовь – она ж, итиху мать, не знает ни расстояний, ни времени...

А на третий день после отлёта пришельцев из зарос-

ших дурноклёном оврагов в Веселухино потянулись солдаты ООН и британские учёные.

За опохмелкой...

ДИАЛОГ ДВУХ КУЛЬТУР

Симфонические концерты в нашем городке – большая редкость, поэтому, когда я узнал, что будут давать бетховенскую симфонию, а во втором отделении – его же фортепианный концерт, то, понятное дело, помчался покупать билет. Мы, истинные ценители музыкальной классики, знаем: симфоническую музыку надо обязательно слушать «живьём», в концертном зале: только так можно получить настоящее, ни с чем не сравнимое удовольствие – услышать произведение именно в таком виде, как его задумал автор! Всякие там записи, «ютубы» и телетрансляции – это все даже «рядом не стояло», правильно о них говорят: «консервы»!

С этими мыслями влетаю в филармонию, там, возле кассы, как подтверждение, вижу афишу этого концерта с числом и портретом «Людвиг Ваньча», перемещаю взгляд на электронную схему зала, чтобы понять, есть ли свободные места в центре моего любимого 11-го ряда...

И тут понимаю, что что-то не так...

Возвращаю взгляд на афишу и... О, господи: портрет Бетховена красуется на фоне... оркестра народных инструмен-

тов! Балалайки там, баяны, домры... Фон этот, правда, был слегка «размыт» фоторедактором, сделан немного нечётким, – для лучшего выделения портрета композитора, – и, вроде, не особо заметен этот «ляп»... Но от нас-то, прожжённых поклонников симфонической музыки, таких вещей не скрыть! Ведь, не смотря на то, что до даты концерта ещё три недели, в моей душе он уже начался: уже звучат во мне те самые мощные бетховенские аккорды, уже началась там вечная битва человека с судьбой – на самом пике душевных сил, на самой вершине вдохновения гения музыки...

...и эта афиша с народным оркестром – как фальшивая нота в самом начале этой симфонии, как «кикс» валторниста в самый ответственный момент...

Блин...

Расстроенный, спрашиваю у кассирши:

– А что это у вас венский классик на фоне балалаек изображён?

– Какой ряд? – отвечает кассирша из окошечка. Ну, будто не расслышала, а на самом деле все расслышала, но, либо не поняла фразы «венский классик», либо я не уже первый задаю вопрос по поводу этой нелепицы, и ей просто надоело отговариваться...

– Я про афишу.

– Молодой человек, вы билет брать будете? – раздражённо верещит кассирша за окошечком. – Если будете, так берите! А про афиши всякие я не знаю ничего, я их не рисую и не

развешиваю... Вон, на второй этаж идите, там у молодёжи спрашивайте про свои афиши... Их новое руководство понабрало, они теперь и командуют нами, и афиши рисуют, и вообще – всё...! Так какой вам ряд?

– Одиннадцатый, – отвечаю. В середине.

И пока кассирша оформляет мне билет, я думаю: «ну что я, как дурак, попрусь сейчас на второй этаж, буду там кого-то искать, объяснять кто я, что я... Может, они уже и афишу переделали, только перевесить не успели...»

Ещё раз посмотрел на афишу, где особо выделялся исполнитель на контрабас-балалайке, задорно выглядывавший из-за правого плеча Людвиг Ван Бетховена...

« – А вдруг не переделали? Мало ли...»

И, как частенько бывает в таких случаях, я, все ещё сомневаясь и размышляя «нужно – не нужно», вдруг обнаруживаю себя на втором этаже напротив двери с надписью «Ведущий специалист».

Как говориться, деваться некуда, делаю глубокий вдох, стучусь, захожу. Встречает меня симпатичная девушка, вся такая модная-модная: от макушки до пяток. На мониторе компьютера замечаю окошко какой-то соцсети. Здравуюсь. Объясняю цель визита. Слышу в ответ:

– Ну, собственно, что вас не устраивает? Дата и время концерта верно проставлены? Программа соответствует?

– Да, конечно, но я не об этом же! Видите ли ...

– Тогда я вообще не вижу здесь проблемы! – перебивает

она меня, не отрывая взгляда от монитора. – Мы информацию донесли до вас верно и в полном объёме, а что касается художественного решения афиши, то вы же понимаете, – и тут она повернулась ко мне и улыбнулась великолепным рядом белоснежных зубов, – на всех ведь не угодишь!

А я, глядя на ее зубы, зачем-то спрашиваю:

– Скажите, а правда, что в состав инструментов симфонического оркестра входят домры, балалайки и баяны?

Девушка как-то странно посмотрела на меня, и я сразу понял, что ответа она не знает. И даже с трудом понимает, о чем вообще идёт речь...

– Знаете, – замешкалась она, – мы... специально консультировались по этому вопросу... с Руководством!

– И что сказала ваше руководство?

– Ну, – ответила девушка с горькой усмешкой, – Руководство сказал, что мы являемся ведущими специалистами в сфере культуры и нам стыдно не знать таких элементарных вещей!

– И что это значит?

– Ну... Это значит... Ну, пожалуйста, только, между нами, ладно? – девушка вздохнула и почти прошептала: – Руководству, в общем-то, пофигу, так как Руководство знает, что никто не обратит внимания на эту мелочь!

Она была уверена, что такое «откровение» меня точно удовлетворит, и я, наконец, отчалою восвоюсь, а она вернётся к своей соцсети.

Но, увы, я ее подвёл...

– Как это: «руководство знает, что никто не обратит внимания»? Ну, вот я же обратил! Потому что это, простите, для меня – совсем не мелочь!

– Ну, это же – вы! Вы – профессионал старой школы, вас – единицы, с вами ясно все... – разочаровано вздохнула девушка и обречённо взглянула на заждавшееся её окошко соцсети. – А, впрочем, что вас конкретно в этом не устраивает?

– Меня не устраивает то, что на концерт симфонического оркестра с программой из произведений классика западноевропейской музыки приглашает фотография с изображением народного оркестра!

– Ну, я не знаю, может быть, наш симфонический оркестр недавно получил звание «народного»! Я уточню этот момент!

– Оркестра народных инструментов, чтобы вам было понятно!

– А-а, инструме-ентов...? – скучающим тоном ответила девушка. – Ну, вы скажите, какие инструменты, по вашему мнению, надо добавить в этот оркестр, и мы внесём ваше предложение на рассмотрение Руководства!

Я слегка удивился и решил уточнить:

– А, то есть, если я предложу к домрам, балалайкам и баянам добавить скрипки, виолончели и валторны, то ваше руководство сможет это сделать?

– Да, безусловно! Наше Руководство может решить любой вопрос! А как вы сказали, "балдорны"? Я запишу.

Она взяла в руки пачку жёлтых стикеров.

– Валторны. Это такой медный духовой инструмент!

– Медный! Ух ты: медь сейчас в тренде, хорошо сочетается с шерстью и трикотажем! Это интересно...

Видимо, у меня был слишком удивленный взгляд, потому что девушка вдруг замолчала, а потом решила «перейти в наступление»:

– А-а, я поняла: вы не любите балалайки... Вы не любите русскую культуру! Вы – русофоб?!

– Да, нет, – начал было оправдываться я, – я очень люблю русскую музыку, как народную, так и классическую, и на концерты русского народного оркестра хожу с удовольствием, но..., простите, ведь народные и симфонические инструменты – это же, как бы сказать, совсем разные вещи!

– Ну и что? Что вас пугает? Мы же должны воплощать новые тренды, цифровые трансформации и эффективные методы управления, создавать инновационные проекты, соединять ранее несоединимое... Главное – все это делать со знанием дела, компетентно, так сказать! Знаете, Руководство как раз и требует от нас свежих идей, нового подхода, современных решений! Ведь двадцать первый век на дворе, нужно соответствовать!

– И?

–Ну, вот! Вы же сами видите! Даже вы, профессионал ста-

рой школы, обратили внимание! А значит – у нас все получилось!

– Что получилось, простите?

– Ну... Вызвать интерес зрителя!

– А, по-моему, ваша афиша – это просто "ляп", признайтесь уже!

– Знаете: «ляп», не «ляп» – это ведь ваше личное мнение, правда же? А мы, профессионалы, не должны учитывать чье-то одно мнение, мы можем провести социологический опрос, общественные слушания, и даже ознакомить вас лично с его результатами! Если, конечно, вы обратитесь с соответствующим обращением к Руководству!

– Да я теперь и не знаю даже... За Бетховена немного обидно!

– За кого? Простите, мне показалось, что вы один пришли! А что же ваш Бетховенов не зашёл, чего стесняется, топчется в коридоре? Пусть заходит, мы же открыты к диалогу...

– Да, знаете, он не может, к сожалению...

– Ой, извините, не сразу вас поняла: знаете, мы сами уже давно боремся за то, чтобы у нас установили специальный подъёмник для инвалидов, но пока нам отвечают, что нет средств.. Такие бездушные люди, знаете ли, эти финансисты. ..

– Да нет, не из-за этого! Бетховен – это известный композитор... И..

– Ух ты! Правда, известный? А Моргенштерна он поёт? А можно заселфиться с ним? Девчонки в бухгалтерии сдохнут от зависти! Где он, ваш Бетховенов, тащите его сюда!

Сдавать билет я, конечно, не стал, и, сидя в концертном зале посередине одиннадцатого ряда, благодарил судьбу за то, что музыканты пока ещё не углубились в поиски инновационных проектов в дебрях цифровых трансформаций...

Я наслаждался музыкой старика Бетховена именно в том виде, в каком он её задумал и написал двести лет назад..., ... и черт с ней, с этой афишей!

ПРО ПЕТРОВА И ИВАНОВА

Жили-были Петров и Иванов.

В 1936-м Петров произнес пламенную речь на X съезде ВЛКСМ на тему «Об исключительной роли товарища Сталина в воспитании будущих коммунистов». Его похвалили и досрочно приняли в Партию.

Иванов тоже хотел подать заявление, но на тот момент работы было много, а потом вообще – аврал за авралом, все некогда было...

В 1938 году Петрова наградили Орденом.

Иванова арестовали по доносу и отправили в лагерь.

Перед самой войной Петрова назначили Командующим. Иванова сделали руководителем «шарашки», конструктор-

ского бюро из осужденных.

Началась война. Петров бил себя в грудь и клятвенно обещал разбить врага на его же территории.

Иванову в лагере удвоили выработку и уменьшили паек.

В первом же бою Петров угодил в окружение, бросил войска и помчался в штаб докладывать о массовом предательстве младших командиров. Все думали, что Петрова расстреляют, но его отправили заведовать воинским снабжением.

Иванова освободили из лагеря и отправили на фронт исправлять положение.

И Иванов, и Петров дошли до Берлина: Иванов – с боями, в передовых отрядах; Петров – в составе тыловых служб. Обоих наградили орденами и медалями.

После войны надо было восстанавливать страну. Хотели назначить Петрова, но потом подумали, и послали Иванова. Петрова же отправили на работу в ГлавКосмос.

Лет через пять выяснилось, что дела в ГлавКосмосе идут «не очень», поэтому оттуда убрали Петрова и прислали Иванова, который задумал было всей семьей впервые отдохнуть на море. Пришлось море отложить!

Петров же, отгуляв очередной отпуск, вдохновенно взялся за руководство массовыми посадками кукурузы.

«Взметнулся в Космос наш Первый Спутник, а следом Гагарин нежно обнял планету витком первого пилотируемого полета! И заодно убедительно доказал, что нет никакого бо-

га, а есть торжество победы советского человека над силой земного притяжения!» Такими красивыми словами Петров неустанно рассказывал корреспондентам разных стран о космических достижениях СССР.

Иванов был глубоко засекречен.

Чуть позже, выполнив очередное задание Руководства, Иванов попросил отпуск и смог, наконец, исполнить давнишнюю мечту: всей семьей съездить в Сочи. Но не повезло: первые два дня в Крыму шли проливные дожди, а на третий день Иванова срочно отозвали из отпуска и отправили поднимать Целину: у ранее назначенного на это дело Петрова что-то пошло не так!

После успешного освоения Целины Петров получил орден, Государственную премию и ушел в творческий отпуск, где принялся за написание мемуаров.

Иванова же отправили строить БАМ. На море он больше так и не побывал, но неожиданно для себя начал писать рассказы. Как оказалось – неплохие.

Мемуары Петрова печатались тиражами в сотни тысяч экземпляров. Страна же зачитывалась рассказами Иванова, которые набирались на пишущих машинках, а по ночам тайно копировались на «ЭРАх»

Петрову дали государственную пенсию, дачу и назначили Президентом Советского Фонда Содружества. Пенсионеру Иванову после его неоднократных просьб разрешили-таки остаться преподавателем в том самом провинциальном

пединституте, где он трудился до пенсии.

В девяностые Петров ездил по миру в составе различных делегаций. Создавал совместные советско-американские предприятия. Занимался приватизацией.

Вся большая семья Иванова кое-как жила на его маленькую пенсию плюс полставки преподавателя... Иногда немного облегчали жизнь крошечные гонорары издательств, наживавшихся на печати его рассказов.

Позже, в двухтысячных, уже больного Иванова поспешили объявить «Совестью нации», наградили орденом и дали Государственную премию. Свеженагражденный тем же орденом Петров с радостным видом стоял рядом и аплодировал, стараясь попасть в телекамеры.

Петров умер в клинике в Германии. Иванов – в провинциальной областной больнице.

Петрова похоронили на Центральной аллее Центрального кладбища Москвы. К скромной могиле Иванова в областном центре люди до сих пор приносят свежие цветы.

Пединститут, в котором преподавал Иванов, переименовали в университет и присвоили ему имя Петрова. Именем Иванова назвали местный писательский фестиваль...

Сын Петрова, получив двойное гражданство, обосновался в Англии, семья Иванова все-таки съездила на море. Правда, без Иванова...

В 2019 году на экраны страны вышел художественный фильм «Иванов. Непобедимый», на премьере которого эф-

фектно выступил кандидат в депутаты Петров. Внук Петрова.

Внучка Иванова работает преподавателем в университете, где трудился ее дед.

В университете имени Петрова...

Как-то руководство предложило внучке Иванова вступить в Партию и участвовать в выборах, но она отказалась.

«Некогда, работы много!»

КРАТКИЙ КУРС ПРЕДВЫБОРНОЙ ХИМИИ (СОН)

Сон сегодня приснился. Как будто я опять студент, захожу в свой ВУЗ, иду по коридору и вдруг слышу:

«Блин, представляешь, не сдал зачёт по «Имитации человечности»! Препод завалил, сука, ненавижу его! Убил бы гада!»

Это какой-то студент сокрушается по поводу «неуда», другому плачется... А тот отвечает:

«Эх, не повезло! Теперь повышенной «степухи» не видеть! А то и красного диплома! «Имитация человечности» ведь в диплом, кажется, идёт?»

«Да, – снова говорит первый, – идёт! Но мне пофиг, ведь маман уже договорилась: после окончания меня берут в администрацию вторым секретарём главного советника третьего заместителя губернатора! Так что – пусть подавится

своим «неудом», козёл!»

«Да! – с завистью воскликнул второй студент. – Маман у тебя – что надо!»

«Что есть, то есть! – с гордостью заявляет первый. – Короче, приходи вечером, бухнем с горя!»

«Ну, это – завсегда пожалста!»

А я слушаю этот диалог и удивляюсь: «Что за «Имитация человечности» такая? Что за предмет? Не было этого никогда!»

И подхожу к доске с расписанием, а там: ё-моё...! Все названия предметов какие-то странные, учебные дисциплины непонятные. Спрашиваю у кого-то: «А что за новости? Где нормальные предметы: история, литература, обществоведение и все наше, привычное, традиционное?»

А мне в ответ: «Эва, бро! Ты, либо на «академе» год просидел? Отстал, братан, от жизни! Уже давно решили в Мин-ВУЗе попробовать заменить традиционные дисциплины на жизненно необходимые! Эксперимент!»

«Не понял! – удивляюсь. – Какие это «жизненно необходимые»? Что, литература, история, физика, искусствоведение, психология, – уже никому не нужны?»

«Да нужны, конечно! Но пока мы изучаем историю с литературой и физикой, пишем отличные курсовые, побеждаем в олимпиадах, получаем красные дипломы и блестяще защищаем кандидатские, некоторые другие студенты занимаются иными науками. А потом как-то враз, благодаря знанию этих

самых иных наук – становятся нашими начальниками и учат нас работать!»

«Да как они могут учить?! Они же, получается, не знают базовых понятий!»

«Базовых не знают, а им и не надо! Они изучают другие понятия и живут по этим понятиям. А те, кто «ихние» понятия не знает, обречён на беспрекословное подчинение. Поэтому в МинВУЗе решили всех учить этим новым, иным наукам: разработали их, и в экспериментальном порядке внедряют. Ну, чтобы мы тоже могли что-то в жизни понимать и продвигаться по службе, хотя бы просто реализовывать свои способности... А что делать, старик, традиционные знания и опыт, традиционный профессионализм – уже не в чести! А в призвании – только наказание!»

«И какие это «иные науки»? – спрашиваю.

«Да вон, на доске! Записывай расписание!»

Я – к доске. Читаю:

«Бюрократоведение и прогибастика»: лекция, семинар, зачёт.

«Карьерография»: факультатив

«Подхалиматика»: самостоятельная работа.

«Откатомеханика»: практическое занятие.

«Телефонное право»: обзорная лекция.

«Основы очковтирательства»: лекция, семинар, зачёт.

«Спагеттинг и марафетинг»: факультатив.

И, вот она – искомая «Имитация человечности»!

Зачёт по ней. И препод злой!

Потом «Манипулирование информацией в социальных сетях», «Краткий курс предвыборной химии» и далее в таком же духе. Записал все, иду в библиотеку за новыми учебниками. На входе встречаю знакомую из мединститута.

«Привет, что нового? У вас тоже эксперимент ввели?»

«Да! Да! Мы новые диагнозы проходим по психиатрии! Вот, смотри!» – и тетрадку раскрывает.

«Амбициоз», «Купурофилия», «Правдофобия», «Коррупциомания», «Неродственный кумовизм»

«Господи! Страсть-то какая! – ужасаюсь. – Ну, здоровья тебе! Психического – особенно!»

«И тебе! – улыбаясь, задорно кричит знакомая. – Не пропадай!»

И сама пропадает в тумане завершающегося сна...

А я, уже почти просыпаясь, слышу голос препода: «Записываем тему лекции: «Обзор практики применения норм крепостного права в период с 1861 по 2021 годы»

И вроде не страшный сон, а весь в поту проснулся!

Наверное, надо больше гулять...

ГОРОД ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

Каждый человек с момента своего рождения строит свой город. Он строит его не руками и без помощи инструментов. Человек строит свой единственный город своей душой и в

своей душе. Он строит его таким, каким хотел бы видеть все города мира. В этом городе он и живет всю свою жизнь, обновляя, перестраивая и меняя здания, улицы и скверы.

У одного человека этот город состоит из небоскребов, у другого – из белых мазанок. В одних городах растут цветы, по другим мчатся фантастические автомобили. В этом городе, построенном душою человека в душе человека, живет душа человека. Эта многомерность едва ли уместается в нашем трехмерном сознании, часто люди и не догадываются о существовании города своей души. Однако он есть. И мечтая, строя планы, вспоминая или представляя что-то, мы входим в свой единственный город и живем там, потому что только там нам действительно хорошо.

Можно предположить, что этот единственный город – главное, что мы делаем в жизни, потому что только он и остается свободным и почти независимым от внешних обстоятельств. Мы можем жить в красивых особняках или в пентхаусах, обитать на помойках или путешествовать по пустыням или полюсам, но город нашей души останется таким, каким мы его создали. Это – наша вторая жизнь, хотя, по правде сказать, – первая.

«Почти независимым...». Да, реальная жизнь, все же иногда влияет на город, перестраивая его и помещая душу человека в его разные кварталы. Улыбнулась тебе удача – и видишь ты свой город солнечным и милым. Застелилась жизнь полосой черного тумана – и город померк, став холодным и

серым. Но все это – сродни погоде. А город твоей души в основе своей постоянен, ведь он – это то, что ты из себя представляешь, он – это истинный ты! И даже если ты – богач, но твоя душа мала и мелка как лужа, город твоей души никогда не станет мегаполисом, и пусть ты уже давно живешь в самых престижных кварталах – в своем сокровенном городе обречен бродить по грязным одноэтажным улочкам. Но если душа твоя бескрайня, то даже ютись в каморке, в своем городе будешь переезжать из дворца во дворец.

У людей сильных город мало изменяется, у слабых – без конца перестраивается, постоянно находясь в руинах и лесах. У жадных людей город тесный, у расточительных – запутанный. В юности этот город мал, но разноцветен, к старости он расширяется, мощнеет и приобретает единый стиль.

Но и этот, несуществующий в реальности город, как никто, влияет на нашу реальную жизнь. Мы мечтаем, стремимся к чему-то или желаем чего-то именно в городе своей души. А он увеличивает или уменьшает размеры наших мечтаний, стремлений и желаний, побуждая тем самым нас к тем или иным действиям. Город формирует нашу жизнь, потому что формирует нас. Знай мы свой город – могли бы предсказать свое будущее, потому что внутренний город строится и изменяется раньше, чем реальная жизнь.

Мы приводим в свои города чужие души, хвалясь перед ними или скрывая от них особенности своих городов, а сами

с любопытством вглядываемся в чужие города, оценивая их и думая, что со стороны виднее.

Но только сам человек видит этот город таким, каков он на самом деле. Зашедшая в такой город чужая душа – или слепа, или видит все только в своих цветах и формах. Увидеть город чужой души в его первоизданном виде – вот удача, вот – счастье! Увы, но дано это не многим. . . , почти никому!

Может, оно и к лучшему!

Он достался ей, когда был уже больной и разочарованный, с потухшим взором и растерянными мечтами. Она радовалась какой-то усталой радостью, как радуются окончанию трудной дороги, когда облегчение приносит не желанный отдых или долгожданная встреча, а осознание, что все, наконец, кончилось.

Мечты ее не то, чтобы сбылись – они продолжали быть нереальностью, только теперь уже – нереальностью окончательной. Она мечтала о том, что он, красивый и молодой, полный энергии и творчества, занимался своим любимым делом, создавая совершенно запредельные для ее практического ума творения, а она, гибкая и неслышная как кошка, проникала в его «святая святых» и, не дыша, смотрела бы, как он работает.

Вместо этого она видела усталую и совершенно бесполезную возню в кабинете, полные окурков пепельницы, слыша-

ла какое-то слюнявое ворчание по поводу творчества других, нескончаемые сетования на прошлые неудачи, слезливые воспоминания и прочие симптомы больной хронической усталостью души.

Она не получила его, а подобрала. Приютила в своем доме и в своей душе, как блудного, больного и мешающего всем остальным пса. Подобрала и приютила в стремлении получить еще хотя бы капельку его душевного вещества, в котором она всегда так остро нуждалась с тех пор, как они познакомились. Но в его душе ей открылась огромная дыра – зияющая незаживающая рана потерянной жизни, в которой не было ни грамма того благотворного эликсира, который он, бывало, дарил, разбрасывал, терял, менял, продавал... Если бы вдруг, внезапно высох Тихий океан, то зрелище высохшего дна было бы, наверное, менее трагическим, чем то, что увидела она в его душе. Мечты испарились, желания превратились в песок, все более или менее радостные и значительные жизненные события были похожи на мертвых китов и дельфинов, разлагающихся под жарким солнцем на просолёном иле.

В общем, это было мало похоже на счастье.

Но все-таки, однажды...

Был дождь, противный, морозящий, холодный. Он, этот дождь, как будто напоминал о никчемности прошедшей жизни и вызывал в памяти все противное и мерзкое, что случилось с ними раньше. Они сидели в его старенькой машине,

работала печка, и, хотя было тепло, душа все равно отдавала холодом и сыростью.

Они молчали. По радио играла какая-то дешевая попса, по улице, съездившись, бегали мокрые и злые уличные собаки, вороны на ветках сидели, уткнув головы в крылья, выставив только клювы, и словно материли про себя этот мерзкий осенний день.

Холодно и противно, противно и холодно. Он курил сигарету за сигаретой, пуская дым и стряхивая пепел в щелку приспущенного стекла. Дым колыхался в тесном пространстве машины, путаясь в его седых волосах. И от этого дыма ей, некурящей, становилось еще холоднее. Она не выносила запах табака, но просить его не курить не решалась – не хотела раздражать. Он стал такой раздражительный в последнее время...

Вдруг из ближайшего подъезда вышел молодой парень. Остановился, посмотрел на небо, съезжился, когда капли дождя попали на лицо, и стал похож на одного из бегающих по улице псов. Потом закурил. Через несколько минут из того же подъезда вышла девушка. Осторожно ступая по уже мокрому и грязному асфальту, она выглянула из-под козырька подъезда и тут же спряталась, состроив на своем милом юном личике гримасу брезгливости. Дождь, дождь, а что делать? Она передернула плечами, стряхивая озноб и повернулась к юноше. И замерла.

Парень, бросивший недокуренную сигарету сразу же,

как вышла девушка, смотрел на юное создание таким полным любви взором, что с ее лица вмиг исчезло недовольное выражение, а в больших глазах замер бесконечный вопрос: «Неужели ты действительно так сильно любишь меня? Неужели это правда? Неужели?» А юноша просто стоял и смотрел на нее взором, полным большой, неумной и сумасшедшей любви...

Все это видели из машины и он, и она, и позабыли на время: он – о своей сигарете, она – о его раздражительности, они позабыли о противном дожде и зябком ветре и все смотрели и смотрели на то, с какой нежностью рука юноши гладила волосы девушки, с какой радостной доверчивостью девушка прижималась к нему, с каким трепетным желанием слились их губы в долгом и нежном поцелуе...

Она повернулась к нему и увидела, что он тоже смотрит, и что в глазах его впервые за долгие месяцы их совместной жизни блеснул так хорошо знакомый ей свет. Ее рука легла на его ладонь тем движением и тем прикосновением, которое и она-то уже позабыла, а он, почувствовав ее, вздрогнул и заглянул в ее глаза долгим изучающим взглядом. И она смотрела на него, ожидая чего-то: чуда ли, слова ли, – она сама не знала, чего. И вдруг взор его полыхнул такой любовью, что у нее перехватило дыхание. Они бросились друг другу в объятия, исступленно целуя друг друга: губы, глаза, щеки... Стало жарко, солнечный свет, невесть откуда взявшийся, залил улицу, машину, небо...

Он мягко отстранил ее, завел мотор и рванул с места...

И город одного человека, вдруг проявив под ярким солнечным светом возвратившейся любви все свои дворцы и фонтаны, вновь стал прибежищем для двоих. Они гуляли по тесным мощеным улочкам и по широким бульварам, танцевали на площадях и целовались в сквериках. Солнце грело их своими лучами, а луна освещала им путь своим нереально-таинственным светом. Он показывал ей свои дворцы, а она роняла слезы при виде ее любимых тесных и уютных улиц. Он вел ее по восхитительному лабиринту этих улочек, а у нее захватывало дух при выходе на простор площадей и бульваров. Они дарили друг другу свои города, а с ними – самих себя, и стремились обогнать друг друга в неожиданности подарков и во внезапности восхищения ими... Они снова были счастливы тем, самым высоким счастьем на свете, когда рядом с собой видишь счастливые глаза любимого человека. Черные пустоты одиночества и тоски, так долго отравлявшие их жизни, попрятались под лестницы, скрылись в густой листве парков, залегли в сточных канавах. Они, конечно, ждали времени своего возвращения, но сейчас было не их время. Отгородившись от холодной и сырой осени теплым одеялом, а от опостылевшей суетной жизни – стенами их общего города, они наслаждались друг другом, своей любовью, своим счастьем: таким долгожданным и таким внезапным.

Потом были еще годы и годы жизни, которые приносили с

собой все: и радость, и горе. Они целовались по утрам, ссорились вечерами, устраивали друг другу неожиданные свидания днем, они занимались любовью, ругались, и, бывало, не разговаривали часами...

Но вновь и вновь, как к навсегда родному, милому причалу тянуло их корабль во времена самых жестоких штормов к тому волшебному дню, когда города двух одиноких душ слились в один прекрасный город Любви.

И это было бы прекрасной сказкой, если б не случилось на самом деле...